

Лян Е, прислонившись к краю кушетки, с улыбкой наблюдал за ним.

Ван Дянь сел, провел ладонью по лицу и замялся, не зная, с чего начать.

— Ты заставил меня полдня выслушивать насмешки Чун Хэна, — Лян Е распахнул ворот халата, демонстрируя следы поцелуев на шее. — Ван Дянь, у тебя воистину дерзости хоть отбавляй.

— Ты ведь сам ответил тем же, — пробормотал Ван Дянь, не зная, как реагировать на такое заявление.

— Когда я целую тебя — это одно, а когда ты меня — совсем другое, — Лян Е по-прежнему настаивал на своей абсурдной логике.

Ван Дянь отмахнулся от его рук, которые вновь потянулись к нему, и серьезно произнес:

— Ваше Величество, я не питаю слабости к мужчинам, но если вы будете и дальше так меня провоцировать, я не смогу ничего гарантировать.

— Хм? — Лян Е окинул его оценивающим взглядом и усмехнулся: — И ты всерьез полагаешь, что достоин меня?

Ван Дянь понял, что с ним бесполезно спорить, и решил привести пример:

— Будь на моем месте кто другой, результат был бы тем же. Я вовсе не святой, способный устоять перед искушением.

Улыбка Лян Е слегка померкла, а в глазах на мгновение промелькнула смертоносная искра:

— Что значит кто другой?

Ван Дянь осознал, что снова наступил на большую мозоль этого безумца, и поспешил оправдаться:

— Я просто привел пример.

Лян Е, не сводя с него пронзительного взгляда, протянул:

— Я чуть было не забыл, что у тебя, кажется, уже есть жены и дети.

Гучжун, поселившийся в плече и шее, отозвался резкой болью, но Ван Дянь упрямо парировал:

— Ну и что? Неужели мне нельзя иметь жен и детей?

Взгляд Лян Е потемнел:

— Ты — моя собственность.

— Я не вещь, я человек, — Ван Дянь прищурился от боли и указал на его шею. — Разве вещи оставляют на тебе такие следы?

Лян Е зловеще прошептал:

— Тогда я просто зашью тебе рот.

— Если зашьешь, мы станем совсем одинаковыми, — Ван Дянь, бледный как полотно, улыбнулся ему и, подняв руку, нежно коснулся шрама на его шее. — У меня здесь еще нет шрама. Не хочешь оставить один? Тогда мы станем похожи во всем.

Для Лян Е это предложение, очевидно, было крайне соблазнительным. Он обвел взглядом боковую сторону шеи Ван Дяня, облизнул зудящие клыки и прищурился:

— Я...

— Перед церемонией поклонения предкам, если поедешь со мной в летний дворец на горе Шицзай, я позволю тебе укусить меня здесь, — Ван Дянь слегка улыбнулся. — Оставишь точно такой же шрам.

Адамово яблоко Лян Е непроизвольно дернулось.

Он мог бы укусить его прямо сейчас, не спрашивая согласия — Ван Дянь был лишен боевых искусств и не смог бы оказать сопротивления. Но именно этот тон, с которым было сделано предложение, показался ему невероятно... волнующим.

Отказаться было невозможно.

— Хорошо, — Лян Е слегка надавил на его шею.

Боль от гучжуна вовремя отступила. Ван Дянь изогнул губы в усмешке, но тут же услышал вопрос Лян Е:

— Ты и со своей женой так же поступал?

Ван Дянь опешил:

— Что?

Лян Е обжег его кожу горячими пальцами и неспешно продолжил:

— Ты целовал свою жену так же, как меня прошлой ночью?

Ван Дянь понял, что сам вырыл себе глубокую яму, и, стиснув зубы, ответил:

— Конечно, нет.

Лян Е холодно усмехнулся:

— Не верю.

— Твое право, — ответил Ван Дянь и вдруг поймал себя на мысли, что эта фраза звучит в точности как оправдание какого-нибудь негодяя.

Лян Е погладил его по подбородку:

— А у меня есть способы заставить тебя сказать правду.

От его прикосновений у Ван Дяня по спине пробежали мурашки:

— Завтра мы отправляемся на гору Шицзай. Если ты снова заставишь гучжуна мучить меня, я

умру от боли по дороге.

Лян Е весело рассмеялся и ткнул его пальцем в щеку:

— Тогда умоляй меня.

Ван Дянь мысленно проклял его, но сохранил невозмутимое выражение лица:

— Как именно?

— Я никогда никого не умолял, придумай сам, — Лян Е с интересом наблюдал за ним, предвкушая забаву.

Ван Дянь немного подумал, протянул перед ним ладонь, а указательный и средний пальцы другой руки заставил «пройтись» по ней, как человечка, и в итоге тот упал на колени:

— Умоляю, сжался.

Лян Е помолчал, а затем протянул:

— Ты что, с ребенком разговариваешь?

Ван Дянь заставил пальцы-человечка встать, опуститься на одно колено и, изменив голос, пропищал:

— Прошу Ваше Величество о милости.

Лян Е прищурился, выставил два пальца на его ладонь, сделал вид, что пинает человечка в колено:

— Позволяю.

Затем его пальцы «прошагали» по тыльной стороне ладони Ван Дяня вверх по руке, уперлись ему в нос и щелкнули по лбу:

— Ну?

Ван Дянь дернул уголок рта:

— ...Совсем распоясался.

Лян Е, держась за его плечо, согнулся от хохота.

Ван Дянь смотрел на него с каменным лицом, но тут же не сдержался и сам рассмеялся.

Черт, какой же он псих, этот Ван Дянь.

И надо же было им иметь одинаковое чувство юмора.

—

Выезд императора из дворца был делом грандиозным: драгоценные кони, роскошные кареты, вереницы охранников со знаменами, свита из евнухов и служанок, а также

высокопоставленные чиновники с семьями. Ван Дянь лично приказал шести отрядам Восточного дворца сопровождать процессию. Длинная колонна растянулась на добрых десять ли, конца ей не было видно.

Вэй Ваньлинь в полном облачении верхом на рослом коне ехал перед императорской каретой, когда к нему подбежал пухлый евнух, постоянно прислуживавший Его Величеству:

— Господин Вэй, Его Величество говорит, что солнце стоит высоко, а впереди как раз лесок, так что можно сделать привал и пообедать.

— Воля Его Величества священна, — Вэй Ваньлинь поклонился в сторону кареты и отправился отдавать приказы.

Юнь Фу вернулся к карете, но не решился заглянуть внутрь.

— Господин Ван все еще там? — шепотом спросил он Юй Ин.

Та кивнула и бросила взгляд на молчаливого Чун Хэна, тихо добавив:

— Господин Чун Хэн мастерски владеет мечом, думаю, нам не о чем беспокоиться.

Внутри кареты Ван Дянь смотрел на Лян Е, который в своем маскарадном наряде выглядел донельзя аляповато, и чувствовал, как у него начинают ныть зубы.

— Ярко-красное с фиолетовым — у тебя поистине утонченный вкус, — заметил Ван Дянь.

Лян Е, развалившийся на самом широком сиденье, словно у него не было костей, отозвался:

— У меня всегда был отличный вкус.

Ван Дянь вспомнил те серьги, от которых глаза начинали слезиться, и едва заметно поморщился.

— На самом деле тебе не стоило ехать в летний дворец, — вдруг ни с того ни с сего произнес Лян Е.

— Почему? — Ван Дянь, сидя на коленях перед столиком, чистил виноград.

— Лян Хуа погиб как раз по дороге в летний дворец, — Лян Е поднялся с кушетки, наклонился и выхватил у него из рук только что очищенную виноградину, поморщившись: — Слишком кислая.

— Она была не для тебя, — холодно ответил Ван Дянь.

Лян Е сел напротив, скрестив ноги, и кончиком веера указал на самую крупную фиолетовую ягоду:

— Хочу эту.

— Хочешь — чисти сам, — Ван Дянь проигнорировал его и невозмутимо потянулся за другой, мелкой виноградиной. — Ты думаешь, Цуй Юйсянь снова решит провернуть тот же трюк и убить тебя в дороге?

— Вполне вероятно, — Лян Е не сводил глаз с винограда в его руках и пальцев, испачканных

соком, и облизнул губы. — Она не хочет, чтобы у меня были наследники, а у нее в рукаве наверняка припрятано семя Лян Хуа.

Ван Дянь и сам смутно догадывался об этом. Он протянул Лян Е очищенную ягоду:

— Сразу скажу, не хочу показаться невежливым, но почему твоего отца зовут Лян Хуа, а тебя Лян Е? Разве у вас нет табу на одинаковые иероглифы в именах?

Лян Е взял виноградину зубами и, не удержавшись, лизнул его палец.

Ван Дянь схватил салфетку и брезгливо вытер руку.

— Это имя дала мне та старая ведьма, видимо, надеясь, что я изведу его своей аурой, — Лян Е упорно тыкал веером в самую большую виноградину. — Хочу эту.

Ван Дянь вздохнул, очистил крупную ягоду, но когда Лян Е потянулся к нему, резко развернул руку и сам отправил виноград в рот.

Лян Е явно не ожидал такого поворота и посмотрел на него с изумлением:

— Это было мое.

— Кто чистил, тот и ест, — с невозмутимым видом заявил Ван Дянь. — Если боишься испачкать руки, не ешь вовсе.

Лян Е тут же принял свой прежний расслабленный вид:

— Я и не люблю виноград.

— Правда? — Ван Дянь продолжал чистить ягоды. — А я вот обожаю.

Лян Е приподнял бровь и посмотрел на него с каким-то странным выражением. Ван Дянь мгновенно насторожился и сунул ему в рот очищенную виноградину:

— Снаружи полно людей, наверняка на пути затаились наемные убийцы. Если гучжун снова проснется, у меня не будет сил даже бежать.

Лян Е покатал ягоду во рту и зловеще проговорил:

— Ты съел мою самую большую виноградину.

— Я почищу тебе еще, — Ван Дянь решил пойти на уступки.

Лян Е, подперев голову рукой, довольно улыбнулся.

Оба они любили виноград, и вскоре от большой тарелки остались лишь одни веточки. Ван Дянь вытер руки влажной салфеткой:

— Для тебя подготовили отдельную карету. Если ты будешь постоянно сидеть здесь, поползут всякие слухи.

Лян Е указал на несходящий след поцелуя на своей шее:

— Это уже не слухи. Ты давно пускал слюни на мою красоту, а теперь, не в силах сдерживать

свои звериные инстинкты, наконец выдал себя. Ван Дянь, ты и впрямь лицемерный мерзавец, ослепленный похотью.

Ван Дянь глубоко вздохнул:

— Мы с тобой выйдем как две капли воды. Неужели я пускаю слюни на собственную красоту?

— Ц-ц-ц, — Лян Е сокрушенно покачал головой. — Это лишь доказывает, что у тебя совсем нет принципов.

Ван Дянь был готов запустить в него салфеткой:

— А разве это не ты начал вести себя развязно?

— Я всегда соблюдаю приличия и никогда не перехожу границ, не смею клеветать, — Лян Е специально поправил красно-фиолетовый ворот, чтобы след на шее стал еще заметнее.

Ван Дяню хотелось вышвырнуть этого попугая из кареты.

В полдень кареты остановились в лесу. Слуги и охранники суетились, разбивая лагерь и готовя обед. Ван Дяню стало душно в карете, и он вышел наружу. Лян Е, словно приклеенный, следовал за ним, улыбаясь и обмахиваясь веером, притворяясь вполне благопристойным.

Ван Дянь, просидевший во дворце больше месяца, с наслаждением вдыхал свежий лесной воздух. Он отошел недалеко, чтобы прогуляться по опушке, любуясь небом и деревьями. Эта природная «кислородная станция» мгновенно заставила его почувствовать себя здоровее.

Вэй Ваньлинь с отрядом следовал за ними, зорко поглядывая по сторонам:

— Ваше Величество, здесь низина, обороняться будет трудно. Предлагаю после обеда не мешкая продолжить путь.

Ван Дянь кивнул:

— Тогда передай приказ...

Свист!

Холодная стрела пролетела в сантиметре от его уха и вонзилась в ствол дерева, мелко дрожа.

Следом за ней на лагерь обрушился настоящий ливень из стрел.

— Нападение! Защищайте Его Величество! — проревел Вэй Ваньлинь, обнажая меч.

— Охраняйте карету!

— Убийцы!

В лагере воцарился хаос. Лян Е рывком оттащил Ван Дяня за дерево. В его руке неведь откуда взялся тонкий гибкий меч, которым он отбивал летящие стрелы. Чун Хэн приземлился рядом:

— Господин, горы по обе стороны полны врагов.

Лян Е взглянул на Ван Дяня:

— Отличное место ты выбрал.

Ван Дянь усмехнулся:

— Ваше Величество, как всегда, прозорливы. Вэй Ваньлинь!

— Есть! — Вэй Ваньлинь издал протяжный свист, и из-за гор с обеих сторон показались бесчисленные солдаты. Затаившимся убийцам некуда было бежать, и они вступили в кровавую схватку.

Эта односторонняя резня длилась недолго — через четверть часа все нападавшие были перебиты. Когда Вэй Ваньлинь пришел с докладом, кровь на его доспехах еще не успела высохнуть:

— Ваше Величество, мы захватили двенадцать пленных.

— Хорошенько их допросите, — Ван Дянь, опираясь на скамеечку, забрался в карету. — Передаю их вам, генерал Вэй.

— Будьте спокойны, Ваше Величество! — Вэй Ваньлинь отсалютовал и удалился с самым свирепым видом.

Лян Е, прислонившись к стенке кареты, протирал свой гибкий меч. Увидев Ван Дяня, он щелкнул по лезвию:

— Скукотища.

— Это не люди Цуй Юйсянь, — сказал Ван Дянь, присаживаясь. — Да и на людей Бянь Юньсинь не похоже.

— Раскинули широкую сеть, а поймали лишь мелкую рыбешку, — Лян Е кончиком меча приподнял широкий рукав Ван Дяня. — Пустая трата сил.

— Почему же пустая? По крайней мере, теперь мы доберемся до летнего дворца в тишине, — Ван Дянь посмотрел на меч. — Ты носишь эту штуку на поясе?

Лян Е ловко повернул кисть, и гибкий меч, обернувшись вокруг талии Ван Дяня, плотно прилетел к ней. Тонкая рукоять с тихим щелчком разделилась на две части, защелкнувшись на конце лезвия.

— М-м, у тебя талия такая же, как у меня.

Ван Дянь протянул руку, чтобы коснуться, но кончики пальцев внезапно обожгло холодом. Он отдернул руку — на четырех пальцах красовались ровные кровавые порезы.

Ван Дянь: «.....»

Лян Е тут же спрятал меч и с недоумением посмотрел на него:

— У тебя с головой не в порядке?

— Нет, это ты зачем носишь такую острую вещь на поясе? — Ван Дянь тоже решил, что у того

не все дома, хотя прекрасно понимал, что коснулся самого лезвия.

— Мой пояс — это ножны, — Лян Е посмотрел на него как на ненормального. — Я просто хотел показать, как им пользоваться, зачем ты полез трогать?

— Я... — Ван Дянь уставился на него, чувствуя, как кончики пальцев начинает пульсировать от боли, и судорожно вдохнул.

Лян Е облизнул губы.

Ван Дянь настороженно спрятал раненую руку за спину:

— Что ты задумал?

<http://bllate.org/book/21737/2247144>